

Глубокой зимой дождь лил уже больше месяца, и лишь сегодня небо прояснилось. Однако, несмотря на это, пейзажи столицы по-прежнему выглядели унылыми. Туман медленно рассеивался, оставляя после себя белые стены, черные крыши и голые ветви деревьев.

В одном из дворов Дома маркиза Цзиньаня молодой человек, укутанный в простую накидку, стоял на коленях у входа. Его лицо было бледным, изысканные черты лишены всякого выражения, а губы посинели от холода.

Остатки влаги в воздухе оседали на его лбу и, стекая по прядке волос, падали в его глубокие, как бездонный омут, черные глаза.

Он моргнул и поднял взгляд на высокое и далекое небо.

Небо было серым, как и его глаза. После долгих дождей оно уже не могло быть ясным и безоблачным.

Небо такое высокое, мир такой огромный, но для него не нашлось места.

Он горько усмехнулся. Кто виноват во всем этом?

Неизвестно, сколько времени он простоял на коленях, пока его ноги и колени не онемели окончательно. В этот момент из двора донесся женский смех и мягкий мужской голос, успокаивающий ее.

Он медленно перевел взгляд на двор, где мужчина и женщина в окружении слуг медленно шли к входу, приближаясь к нему.

Мужчина был одет в новую, роскошную одежду, накидка на его плечах была украшена золотыми и серебряными нитями, вышитыми в виде цилиндр и благоприятных облаков. Он излучал аристократическую ауру, его красивое лицо с острыми чертами и густыми бровями было исполнено величия. Однако, увидев человека на коленях, его мягкое выражение мгновенно стало холодным, как зимний ветер, пронизывающим до костей.

Он смотрел на него свысока:

— Юй Ли, теперь ты понимаешь свою ошибку?

Его голос был холоден, пропитан презрением и отвращением, заставляя кожу сжиматься.

Тело Юй Ли окоченело, но он сжал кулаки, стараясь держаться прямо. Услышав вопрос, он усмехнулся:

— Конечно, я виноват.

— О? — Мужчина опустил веки и посмотрел на него. — В чем же твоя ошибка?

Юй Ли медленно перевел взгляд с его обуви на лицо, и его улыбка стала еще более холодной:

— Я виноват в том, что считал отца и мачеху, которые хуже свиней и собак, своими родителями. Виноват в том, что считал лицемерных и злобных старшего брата и сестру своими братом и сестрой. Виноват в том, что считал бессердечного предателя своим супругом. Все это мои ошибки, я был слеп, мое сердце было ослеплено, и я не знал, что в мире столько злых людей!

В конце его голос дрожал от ярости, глаза покраснели, как будто были залиты кровью.

— Наглец!

Красивое лицо маркиза Сяо Цзиньяня исказилось от гнева, его глаза злобно смотрели на Юй Ли.

Женщина за его спиной шагнула вперед, встав рядом с ним. Ее прекрасное, как у феи, лицо выражало недовольство:

— Юй Ли, почему ты такой упрямый! Это ты отравил меня, а теперь еще и оскорбляешь маркиза! Я знаю, что ты мне завидуешь, но я все же твоя сестра, как ты могла так поступить?!

Услышав, как она защищает его, Сяо Цзиньянь обнял ее за талию:

— Вань, ты еще не совсем поправилась, зачем так расстраиваться из-за этого ничтожества?

Юй Ли смотрел на эту пару, разыгрывающую спектакль, и не мог сдержать долгого, горького смеха. Он смеялся не над ними, а над собой, над своей глупостью и наивностью!

Сяо Цзиньянь был предателем, холодным и бессердечным, а он все это время считал его своим супругом. Юй Вань была лицемерной и злобной, а он все еще верил ей и хотел делить с ней мужа! Он считал его своим супругом, а ее своей сестрой, но когда они считали его своей женой или братом?!

В их глазах он был всего лишь низкорожденным, презренным, как пыль, и недостойным, как свинья, сыном наложницы!

С четырнадцати лет, когда его приняли в Дом Юй, и до девятнадцати лет он не сделал ни шага вперед, оставаясь смехотворно глупым!

— Над чем ты смеешься? — Сяо Цзиньянь посмотрел на него, и его взгляд снова стал холодным. Не получив ответа, он резко ударил его ногой в грудь. — Я спрашиваю, над чем ты смеешься!

Юй Ли, не ожидая удара, упал на землю, как глиняная кукла... Его одежда была мокрой и холодной, он уже давно замерз.

Но он был настолько окоченевшим, что, несмотря на удар, почти не почувствовал боли.

Сяо Цзиньянь, видя его состояние, закипел от гнева:

— Я всегда относился к тебе хорошо, почему ты совершил столько злодеяний? Вань — твоя родная сестра, как ты могла на нее поднять руку?! Неужели ты действительно дочь наложницы, которая никогда не сможет подняться выше своего положения?

Юй Ли лежал на земле, его одежда была в беспорядке, черные волосы закрывали половину лица, делая его бледное лицо еще более странным. Он громко засмеялся, смеясь до слез, и с горечью спросил:

— Сяо Цзиньянь, ты смеешь говорить, что относился ко мне хорошо!

Он поднял голову и пристально посмотрел на прекрасную Юй Вань. Она была одета в шелк из Шу, манжеты и воротник ее одежды были оторочены дорогим мехом соболя. Ее макияж был

безупречен, украшения в волосах изысканны. Он смотрел на нее, и его глаза, казалось, готовы были исторгнуть кровь:

— Ты говорил, что, когда она выйдет замуж в дом маркиза, ее положение будет таким же, как у меня, и ты не будешь никого выделять. Но посмотри, что она ест? Что носит? Что использует? А что едим мы с Линем? Что носим?! Ты каждую ночь проводишь у нее, и даже когда я заболел, ты сказал, что занят государственными делами и не пришел ко мне. Она приказала убить моего Линя, а ты защищал ее. А теперь она всего лишь сказала, что у нее болит живот, и ты сразу решил, что я отравил ее, и ты смеешь говорить, что относился ко мне хорошо!

Юй Ли, опираясь на руки, медленно поднялся. Он улыбался, как будто был злым духом, мучимым в аду, и медленно сказал:

— Ты воспользовался моей молодостью и неопытностью, обманул меня, заставил выйти за тебя замуж, но только потому, что я мог отвести от тебя беду! Позже я действительно спас тебя, я выпил отравленное вино, которое прислал твой брат, и до сих пор оно остается в моем теле! Я считал тебя своим спасителем, который вытащил меня из дома левого министра, я считал тебя всем своим миром. С пятнадцати лет, когда я вышла за тебя замуж, я четыре года трудилась, чтобы завоевать для тебя титул маркиза, никогда не совершала ничего, что могло бы тебя обидеть, всегда поступала по совести, так когда же я отравляла кого-то? А ты? Ты топтал мою искренность, как пыль, считал меня ничтожеством, никогда не относился ко мне с искренностью, и теперь ты смеешь говорить, что относился ко мне хорошо! Сяо Цзиньянь, оставь эти слова для моей милой сестры!

Он выкрикнула это, и снова засмеялся.

Сяо Цзиньянь, с набухшими венами на висках, казалось, был готов убить его... Он никогда не относился к Юй Ли с искренностью. Если бы не его отец, старый маркиз Сяо, который сказал, что ему нужно жениться на Юй Ли, чтобы избежать беды, и если бы Юй Ли не была красивой, как бы он смог жениться на мужчине, да еще и на низкорощенном сыне наложницы? Все эти годы женитьба на мужчине заставляла его быть посмешищем среди знати столицы, он не мог поднять голову. Да и лицо Юй Ли, каким бы красивым оно ни было, за четыре года ему надоело. То, что он оставил ее в доме маркиза, сохранив ее статус, было уже великодушием, а она все еще не знала своего места и строила глупые мечты!

Он холодно посмотрел на Юй Ли и медленно сказал:

— Юй Ли, ты сам идешь навстречу своей гибели.

Юй Вань, стоявшая рядом, поняла, что Сяо Цзиньянь был в ярости, и с удовольствием сказала с презрением:

— Ты сам не знаешь своего места. Ты всего лишь сын наложницы, господин Юань сказал, что у тебя женоподобная внешность, что ты губишь отца и мать, что ты приносишь несчастье дому Юй. Маркиз из жалости женился на тебе, а ты возомнил, что можешь владеть им, и принес в дом незаконнорожденного ребенка, думая, что он станет наследником маркиза... Ты сам — ничтожество, но мечтаешь о высоком, и теперь, когда все закончилось, ты обвиняешь других. Если это станет известно, это будет смешно!

Затем она повернулась к Сяо Цзиньяню:

— Маркиз, ничтожество всегда останется ничтожеством, тебе не стоит из-за него расстраиваться, это вредно для здоровья. Хотя он вел себя неподобающе, он все же мой брат,

прошу тебя, пощади его жизнь. Давай отправим его в Храм Гуандэ, пусть там живет, как хочет, и не беспокоит дом маркиза.

Сяо Цзиньянь задумался, как будто что-то вспомнил, и сказал:

— Да, Вань, ты добрая, пусть будет так, как ты сказала.

<http://bllate.org/book/16593/1516261>